

Повести и рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956
FB2: , 08.07.2010, version 1.0
UUID: FBD-66D5CB-DC31-F64E-64A3-51DB-26A9-18F0EC
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Викентий Викентьевич Вересаев

Всю жизнь отдала

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

Всю жизнь отдала

Трамвайный вагон подходил к остановке. Хорошо одетая полная дама сказала упи-танному мальчику лет пяти:

— Левочка, нам тут сходить.

Мальчик вскочил и, толкая всех локтями, бросился пробиваться к выходу. Старушка отвела его рукою и сердито сказала:

— Куда ты, мальчик, лезешь?

Мать в негодовании вскричала:

— Как вы смеете ребенка толкать?!

Высокий мужчина заговорил громким, на весь вагон, голосом:

— Вы бы лучше мальчишке вашему сказали, как он смеет всех толкать? Он идет, — скажите, пожалуйста! Все должны давать ему дорогу! Он самая важная особа! Растите хулиганов, эгоистов!

Мать возмущенно отругивалась. Мальчик с открытым ртом испуганно глядел на мужчину.

Вагон остановился, публика сошла. Сошла и дама с мальчиком. Вдруг он разразился отчаянным ревом. Мать присела перед ним на корточки, обнимала, целовала.

— Ну, не плачь, мальчик мой милый! Не

плачь! Не обращай на него внимания! Он, наверно, пьяный! Не плачь!

Она взяла его на руки. Мальчик, рыдая, крепко охватил ее шею. Она шла, шатаясь и задыхаясь от тяжести, и повторяла:

— Ну, не плачь, не плачь, бесценный мой!

Мальчик стихал и крепко прижимался к матери.

Пришли домой. Ужинали. Мать возмущенно рассказывала мужу, как обидел в трамвае Ловочку какой-то, должно быть, пьяный хулиган. Отец с сожалением вздохнул.

— Эх, меня не было! Я бы ему ответил!

Она с гордостью возразила:

— Я ему тоже отвечала хорошо... Ну, что, милый мой мальчик! Успокоился ты?.. Не бери сливу, она кислая.

Мать положила сливу обратно в вазу. Мальчик с упрямыми глазами взял ее и снова положил перед собою.

— Ну, детка моя, не ешь, она не спелая, расстроишь себе животик... А вот, погоди, я тебе сегодня купила шоколаду «Золотой ярлык»... Кушай шоколад!

Она взяла сливу и положила перед маль-

чиком плитку шоколада. Мальчик концами пальцев отодвинул шоколад и обиженно нахмурился.

— Кушай, мальчик мой, кушай! Дай, я тебе его раз-верну.

Отец сказал просительным голосом:

— Левочка, дай мне кусочек шоколада!

— Не-ет, это для Левочки, — возразила мать. — Специально для Левочки сегодня купила. Тебе, папа, нельзя, это не для тебя... Ну, что же ты, детка, не кушаешь?

Мальчик молчал, капризно нахмурившись.

— Ты, наверно, еще не успокоился?

Мальчик подумал и ответил:

— Я еще не успокоился.

— Ну, успокоишься, тогда скушаешь, да?

Мальчик молчал и не смотрел на шоколад.

Через двадцать лет. Эта самая дама, очень исхудавшая, сидела на скамеечке Гоголевского бульвара. Много стало серебра в волосах, много стало золота в зубах. Она с отчаянием смотрела в одну точку и горько что-то шептала.

Трудную жизнь она прожила. Еще до революции муж ее умер. Она собственным трудом воспитала своего маль-чика, во всем себе отказывала, после службы давала уро-ки, переписывала на машинке. Сын кончил втуз инжене-ром-электротехником, занимал место с хорошим жало-ваньем. И вот — она сидела, одинокая, на скамеечке буль-вара под мед-ленно падавшим снегом и горько шептала:

— Я, я ему всю жизнь отдала!

Они с сыном занимали просторную комна-ту в Нащокинском переулке. Сын задумал же-ниться. Сегодня она получила повестку с при-глашением явиться в качестве ответчицы в суд: сын подал заявление о выселении ее из комнаты. Уже четыре года назад, когда они полу-чили эту комнату, Левочка предусмотр-ительно вписал мать проживающею «вре-менно». Это больше всего ее по-трясло: зна-чит, тогда уже он на всякий случай развяза-вал себе руки...

— А я ему всю жизнь отдала!..

Снег пушистым слоем все гуще покрывал ей голову, плечи и колени. Она сидела непо-движно, горько шевеля губами. Кляла судьбу,

в которую не верила, винила бога, в которого
полуверила. Не винила только себя, что всю
жизнь отдала на выращивание эгоиста, при-
ученного ду-мать только о себе.

1943